

Вечер, похожий на рыжую кошку

Вечер, похожий на рыжую кошку,
входит без спроса, ложится под стол.
Лампа мигает и смотрит в окошко
на подпоясанный яблони ствол.
Тикают часики, топится печка,
киснуть всю ночь предстоит молоку,
нитка из шерсти прядётся овечьей,
тянутся шеи теней к потолку.
За неимением в доме хозяев,
бродит сквозняк от стены до стены,
лязгает тихо щеколда дверная
под неусыпным взором луны.
Вещи, которые дороги были,
всё, как и прежде, на старых местах –
сад и река в позолоченной пыли,
и всепрощающий Бог в небесах.

Бушанской красавицы щёчки

Бушанской* красавицы щёчки,
прозрачная бязь лепестков,
по краю речной оторочки
мерцающий след светляков.

Под небом смиренные вздохи,
мозаика узкой тропы,
к забору коринка присохла,
скрипит на ветру:
– Потерпи...

Торопко спускаются тени
в ладони воды зачерпнуть,
меняется ракурс осенний,
сужая безлиственный путь.

И птицы срываются с веток,
как стая цветочной пыльцы,
чей сад остаётся раздетый,
обрядческий цикл завершив.

*Буша - город в Винницкой области.

Невнятная осень, мирские дела

Невнятная осень, мирские дела,
гнездовья пустые в преддверии зимнем;
холодной рекою дорога легла
туда, где о мёртвых печалится схимник.

И яблоч гора золотая в саду,
и ствол материнский, слезой исходящий,

какую ты нам напророчишь беду
срывая листву песнопений скорбящих?

Какую кудельную нить истончишь,
связав воедино с живущими древо?
Тяжелая пустошь, что гулкая тишь,
где ушлый садовник порядком прогневан.

И где горизонта уходит черта
за край опрометчивых будней греховных,
но снова молитва звучит чернеца
во имя стволин отошедших на брёвна.

Покатится день со смиреньем во тьму
под мерное чтение из Часослова,
где я, окаянная, к дереву жмусь –
последнему отпрыску крови садовой.

Дома соседские, тропа

Дома соседские, тропа,
сугробы с наледью, прореха.
Луна пытаюсь протоптать
дорожку тихую,
с огрехом
уронит слабый свет с небес,
где окна щурятся...

Простая
течёт размеренная жизнь.
Сама себя не замечая,
деревня дышит на стекло,
за ним,
в высотах голубиных,
вздыхает ангел тяжело,
зарёз стараясь отодвинуть...

Что прозрение мелочи жизни

Что прозрение – мелочи жизни,
острым циркулем чертится круг;
солнце рдяное яростно брызнет
на муравчатый млеющий луг.

По травинке коровица Божья
так упорно взбирается вверх,
что снимая её осторожно,
понимаешь:
голодная смерть –
в двух шагах, и наверное скоро
остужающим взглядом своим
охладет небесное море,
и оно станет льдисто-чужим.

Чересчур проливаемый вечер
гладит влажную отмель косы,
голос тихой воды бесконечен,
лития по усопшим...

Босым,
в белоснежной рубахе по пояс
август с ликом бредёт испитым,
всё, что было своё и святое
превратится в мерцающий дым.

Как туман разойдётся по свету,
как последнего месяца вздох!
Чтобы кануло в зыбкую Лету
то, что выхватят зимы врасплох.

Золотая рыба, сизый голубь

Золотая рыба, сизый голубь,
оберег от горя и потерь.
Пригоршней горячий жжённый солод
на глазок по-быстрому, отмерь.

Перетри и брось в янтарный омут,
гладкие бока, жемчужный блеск...
Если не завидовать чужому,
столько открывается чудес!

Сад цветущий, нежная истома,
утренняя дымка и роса.
Мама на крыльце родного дома,
а у мамы – девичья коса.

Господи, достаточно ли, много,
высмотрев на небе синеву,
веровать, как все – хожу под Богом
и любую хмарь переживу.

Берега

Палитра богата на краски,
а осень на сброшенный лист;
окажется влажной и вязкой
её осторожная кисть.
Четыре пятна в интерьере,
уснувшая кошка в углу,
нам всем воздаётся по вере,
а веру мы ловим на слух.
Ложимся, глаза закрываем,
и вешаем скрипку на гвоздь,
где перегородка такая,
что слышно, как медленно, сквозь

безоблачный рай проступает
росистая влага и мга...

А Бог, становясь всепрощающ,
плывёт к золотым берегам.

Сезон, сменяемый на вербы,
в стволах гуляет клейкий сок,
снег ноздреватый и ущербный,
шрам от ручья лицо рассёк.

Весна на цыпочках ступила,
но словно пасака гудит;

земли медлительная сила
восходит паром среди плит.

Звучат пощёчины капли,
монаший посох крошит лёд;

как хорошо, что уцелели
собаки наши в этот год!

Устав лететь, садится птица,
где привязь держит поезда,
а ты пытаешься молиться
на ржавый остов от гнезда.